

В канун Нового года Чу Фэнцин принял лекарство, содержащее снотворное. Он чувствовал себя вялым весь день и с трудом бодрствовал. Хотя Чу Фэнцин заранее сказал ему, что это нормально, Цзи Юйцзинь всё равно испугался и оставался рядом с ним, не осмеливаясь уйти.

Императорский лекарь Ли даже приходил проведать его однажды. Проверив его пульс, он сказал Цзи Юйцзиню, что с ним всё в порядке. Только тогда он почувствовал облегчение. Новый рецепт действовал очень быстро. Считая сегодняшний день, прошло уже три дня. Симптомы эпидемии утихали мало-помалу, и его пульс тоже постепенно стабилизировался. Императорский лекарь Ли погладил бороду и впервые улыбнулся с тех пор, как приехал сюда.

Вечером слуги внесли блюда. Увидев, что ужин был обильным, Цзи Юйцзинь задал вопрос.

Слуга, принёсший еду, сказал с радостным лицом:

— Мой господин, знатные склонны легко забывать. Сегодня канун Нового года. Теперь, когда рецепт готов, похоже, мы скоро поправимся. Повар на кухне сказал приготовить ещё несколько блюд, чтобы радостью развеять неудачу последних дней.

Цзи Юйцзинь слегка опешил и сжал пальцы. Снова канун Нового года.

Он подавил эмоции, которые вот-вот готовы были вырваться из его бурлящих воспоминаний, и позвал Чжао Ли:

— Возьми немного золота с моего счёта и раздай братьям внизу в качестве новогоднего подарка.

Чжао Ли посмотрел на него с некоторым беспокойством, открыл рот, но в конце концов не произнёс ни слова и лишь сложил руки и сказал:

— Да.

После ухода Чжао Ли он смотрел на полный стол блюд, не прикасаясь к палочкам. Однако он наливал бокал за бокалом вина. Вино было не таким уж прозрачным, а немного мутным. Он запрокинул голову и сделал большой глоток, и бокал вина опустел.

Он выпил несколько бокалов подряд, и запах алкоголя неизбежно пропитал его одежду. Он поднял взгляд к небу. Луна медленно поднималась, и он встал и направился во внутреннюю комнату.

Он сел рядом со спящим Чу Фэнцином, коснулся его лица рукой, и оттенок нежности наконец появился в его тёмных глазах.

Цзи Юйцзинь достал из-за пазухи кусок нефрита. Резьба на нефрите была не очень хорошей, но качество нефрита было первоклассным и гладким на ощупь.

Тотем на нефритовой подвеске — не обычные благоприятные символы, такие как дракон или единорог, а странный тотем, похожий на дракона и черепаху.

Когда наводнение бушевало, многие семьи вывешивали узор этого благоприятного зверя. Цзи Юйцзинь спросил с любопытством, и ему сказали: «Это бог, которому поклоняются местные жители. Говорят, он может защитить больных людей и помочь им выздороветь, сохранить их в безопасности и здоровье».

Так он провёл долгое время, учась у местных ремесленников, прежде чем наконец смог вырезать кусок, который был приятен глазу.

Нефритовая подвеска была небольшой и сплетена красной нитью. Не желая тревожить его сладкий сон, Цзи Юйцзинь повязал красную нить на его запястье. Запястье Чу Фэнцина было тонким и изящным, а его белоснежная кожа выглядела особенно красиво на фоне красной нити.

Цзи Юйцзинь посмотрел на свой шедевр, затем убрал его руку обратно под одеяло.

В этот миг снаружи вдруг раздались несколько петард. Оказалось, что некоторые люди всё ещё праздновали канун Нового года.

Неизвестно, был ли это звук этих петард, который заставил безмолвные улицы вдруг стать шумными, или что-то ещё. В каждом доме зажглись огни, и звук петард наполнил воздух.

Цзи Юйцзинь рассчитал время и обнаружил, что это было начало весны, это весна.

В этом году начало весны и канун Нового года выпали на один день, и безжизненный город наконец стал оживлённым.

— Давайте встретим весну!

— Весна пришла!

Зима подходит к концу, и весна приближается. Горы и реки остаются в безопасности, а люди живут в мире.

Под звук петард Цзи Юйцзинь наклонился и поцеловал Чу Фэнцина в губы. Его голос был чист, как снег, но в нём была неопиcуемая нежность:

— Конец года приближается, я желаю тебе мирной зимы. Надеюсь, мой юный врач оправится от своей старой болезни, и Чанъань всегда будет в безопасности.

Он поднял глаза к небу. Луна была яркой и ясной, неизменной, словно смыла всю грязь.

Как раз когда он собирался встать, край его одеяния вдруг потянули. Цзи Юйцзинь обернулся и увидел Чу Фэнцина с затуманенными глазами, одной рукой цепляющегося за подол его одежды.

Он поспешно сел, поправил его спутанные волосы рукой и улыбнулся:

— Ты проснулся?

Чу Фэнцин моргнул, явно всё ещё немного сбитый с толку. Он посмотрел наружу и заметил, что во внутренней комнате нет свечи, было совершенно темно. Он на мгновение опешил и спросил:

— Который сейчас час?

Цзи Юйцзинь:

— Ещё четверть часа, и будет Цзыши¹.

¹23:00-01:00.

Чу Фэнцин нахмурился. Он не ожидал, что проспит так долго.

Цзи Юйцзинь:

— Ты не ел целый день. Ты голоден? Я принесу тебе каши.

Боясь, что Чу Фэнцин вдруг проснётся, кашу держали тёплой на кухне.

Чу Фэнцин был немного раздражён. Он не ожидал, что проспал так долго. Он тихо сказал:

— Подожди минутку.

С этими словами он посмотрел на маленькую коробочку на подоконнике. Цзи Юйцзинь не понимал, почему, но, видя, что он хочет встать с постели, остановил его и сказал:

— Я принесу тебе всё, что ты захочешь.

Чу Фэнцин мгновение колебался и кивнул. В этот миг он увидел нефритовую подвеску на своём запястье и поднял руку, чтобы с любопытством рассмотреть её:

— Что это?

Цзи Юйцзинь проследил за его взглядом и с улыбкой сказал:

— Это новогодний красный конверт.

Он устремил на него взгляд и медленно произнёс:

— Пусть новый год будет благословлён удачей, и всё пройдет гладко.

Чу Фэнцин провёл по ней рукой. Резьбе не хватало утонченности, и она явно была работой новичка. Он сразу понял, кто это сделал, и сказал:

— Очень хорошо вырезано.

Но он не совсем узнал предмет, вырезанный на голове, и Цзи Юйцзинь лишь сказал, что это счастливый предмет.

Цзи Юйцзинь помог ему достать маленькую коробочку, но Чу Фэнцин не взял её:

— Это для тебя. Открой и посмотри.

Цзи Юйцзинь бросил на него взгляд и открыл коробочку. Внутри лежало что-то похожее на книгу. Пролистав её, он обнаружил, что это был сборник уличных шуток, все написанные одной рукой.

Некоторые из уличных шуток не были особенно смешными, но эти простые, повседневные мелочи всё же могли привлечь внимание и показать маленькие радости жизни, напоминая людям, что какими бы серьёзными ни казались вещи, они всего лишь фрагменты, обычные необходимости повседневной жизни.

Он перелистывал страницы. Ни одна не повторялась в толстой книге, и каждое слово несло почерк Чу Фэнцина. Как он собрал столько шуток за такое короткое время? Ему казалось, что

он видит этого тихого человека, бродящего по рынку, собирающего истории.

Дурак.

Цзи Юйцзинь опустил глаза, боясь, что его эмоции будут замечены. Он растянул уголки губ и едва выдавил улыбку:

— Где ты нашёл столько шуток?

Глаза Чу Фэнцина слегка изогнулись:

— Я расспрашивал.

Он был человеком, который мало знал о мире знаков и не умел сочинять истории о рыночных делах, поэтому он потратил много усилий, чтобы пойти на рынок, где у рассказчиков всегда было много историй, и он многому у них научился.

Цзи Юйцзинь обладал и властью, и богатством. Он долго размышлял, не зная, что подарить, пока наконец не вспомнил о шутке.

Он обещал рассказывать ему уличные шутки, но ничто не может идти по плану. Время для смены его рецепта скоро наступит. Сможет ли он пройти через это или нет — не ему решать. Но он не хотел нарушать своё обещание, поэтому подготовил этот сборник историй. Однако у него тоже было не так много времени на подготовку: если читать по одной в день, этого хватило бы лишь на год, так что он мог читать лишь по одной в год или в месяц.

Петарды снаружи ещё не совсем стихли, как кто-то запустил снап фейерверков, которые взорвались блестяще в небе и осветили половину его.

В глазах Чу Фэнцина был оттенок удивления. Цзи Юйцзинь стоял спиной к фейерверкам позади себя. Фейерверки отражали половину его лица, делая его чрезвычайно красивым.

Чу Фэнцин помедлил и сказал сквозь фейерверки:

— Пусть у тебя будут хорошие дни каждый год, прекрасные пейзажи каждое утро, и будь счастлив и живи вечно.

Его голос был как нежный ветерок, успокаивающий и освежающий.

— Цзи Юйцзинь, с днём рождения.

Глаза Цзи Юйцзиня, опущенные вниз, слегка дрогнули, и сильные эмоции захлестнули его, делая невозможным смотреть в лицо; он подсознательно хотел убежать.

Он поднял глаза на Чу Фэнцина и сказал:

— Подожди меня, я... принесу тебе каши.

Выйдя во внешнюю комнату, его сжатые кулаки немного разжались. Праздник, которого он избегал, казалось, сегодня обрёл нечто иное, словно подул весенний ветерок, иней и снег медленно таяли, и в будущем горы даже наполнятся цветущими цветами.

Он боялся своего дня рождения из-за матери. Каждый раз, когда наступал этот день, он думал о трагической смерти своей матери. Он не рассказывал об этом Чу Фэнцину, главным образом потому, что не хотел, чтобы эти грязные вещи пачкали его уши.

В то время он тоже думал, что его мать умерла от болезни. Только когда его дядя попросил его открыть гроб для осмотра, он обнаружил, что тело в гробу было в искажённой позе, а гроб был покрыт царапинами от ногтей. Только тогда он понял, что его мать не умерла от болезни, а была похоронена заживо.

Даже когда он стоял на коленях перед могилой, его мать, возможно, была ещё жива, борясь в муках, а он ничего не знал.

Он не понимал, почему тот человек ненавидел его мать до такой степени. Ведь он явно полагался на силу семьи его матери, чтобы шаг за шагом подняться на вершину...

После того как он стал главой Сичана, он потратил несколько лет, чтобы мало-помалу искоренить того человека, и тот в конце концов был обезглавлен. В день его смерти он пил всю ночь и, опьянев, увидел сон. Во сне он был ещё очень юн, бежал к паре знатных особ в роскошных одеждах нетвёрдыми шагами, протягивая руки и крича «Отец, Мать» этой паре.

Та знатная пара тоже улыбалась и нежно гладила его по голове.

Он думал, что почувствует себя великолепно после мести, но нет. Не было ничего, кроме бесконечной пустоты, словно он был последним человеком, оставшимся в мире, без каких-либо связей с ним.

Чу Фэнцин встал и подошёл к нему сзади. Он ничего не сказал и просто попросил сесть рядом с ним. Они сидели в молчании, пока снаружи взрывались вспышки фейерверков, делая комнату попеременно тёмной и светлой.

Цзи Юйцзинь протянул руку и коснулся его руки; к счастью, она не была холодной.

Чу Фэнцин выпил глоток всё ещё тёплой каши, а затем налил бокал вина в две чаши, по одной для каждого из них:

— Хочешь немного выпить?

Цзи Юйцзинь на мгновение опешил и отреагировал только после того, как увидел, что тот сделал глоток, и немедленно выхватил вино из его рук:

— Чу Фэнцин, ты забыл о своём теле?

Чу Фэнцин вытер вино со своих губ и сказал:

— Тогда ладно, я не буду пить. Я просто составлю тебе компанию.

Цзи Юйцзинь тоже не стал пить. Он боялся, что запах алкоголя побеспокоит Чу Фэнцина, поэтому намеренно отодвинул вино.

Чу Фэнцин зажёл свечи в комнате. Пламя свечи мерцало, и в комнате вдруг стало гораздо теплее.

Ночь кажется очень длинной, но очень короткой.

Чу Фэнцин вытащил сборник историй. Внутри книги лежала закладка. Она была необычной, похожей на лист, хотя Цзи Юйцзинь не мог сказать, с какого она дерева. Когда Чу Фэнцин заметил это, его глаза слегка дрогнули, и он снова поместил закладку между страниц в конце.

Затем он тихо прочитал первую уличную шутку, пламя свечи мерцало, а холод и одиночество в комнате медленно сменялись остроумными и забавными словами.

Цзи Юйцзинь изогнул губы. Он знал, что Чу Фэнцин успокаивает его своим уникальным способом.

Он наклонился и поцеловал его.

Он и впрямь любил этого человека так сильно, что не мог выразить это словами. Ему просто хотелось втереть его в свои кости и кровь. Никто не мог понять ту глубокую любовь, которую он к нему испытывал.

Чу Фэнцин преображал то, чего он боялся и ненавидел, мало-помалу в самые прекрасные вещи в мире и оставлял на них свой собственный след понемногу.

<http://bllate.org/book/17231/1639390>